

О. Г. Сидорова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Европа и Япония смотрят друг на друга: роман Д. Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута»

Япония, которая никогда не была колонией ни одной из европейских империй и вплоть до второй половины XIX в. официально не допускала иностранцев на свою территорию (так называемый период самоизоляции страны — эпоха Эдо), стала очень популярной в Европе в конце XIX — начале XX в. (см. об этом: [Молодяков]). Влияние японской культуры на европейскую литературу неплохо прослеживается, прежде всего, в популярных жанрах, но в серьезной литературе образ Японии почти не разрабатывался. В нашей статье будет рассмотрен образ Японии и японцев, который был создан в современном британском романе, а также некоторые его особенности.

Один из ведущих современных британских писателей Казуо Исигуро, этнический японец, живущий в Великобритании с раннего детства, посвятил послевоенной Японии первые два своих романа («Там, где в дымке холмы», 1982; «Художник зыбкого мира», 1986), но все его последующие произведения посвящены Великобритании, и тема Японии не проявлялась в серьезной британской литературе до 2010 г., когда вышел роман Дэвида Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» (David Mitchell «Thousand autumns of Jacob de Zoet»). Роман был с большим интересом встречен критиками, хотя некоторые высказывали разочарованность отсутствием в нем привычных для прозы Д. Митчелла формальных экспериментов. Влиятельный журнал «Нью-Йоркер» опубликовал развернутую статью Джеймса Вуда, в которой критик анализирует творчество писателя в целом, чрезвычайно высоко оценивает роман «Тысяча осеней...» и считает, что он по

Сидорова О. Г. Европа и Япония смотрят друг на друга...

ряду параметров продолжает традиции прозы Л. Н. Толстого, Дж. Конрада и С. Беккета (см.: [Wood]).

Анализируя произведение, А. Уинслоу вычленяет целый ряд оппозиций, которые автор реализует в тексте романа: «Ксенофобские японские практики противостоят импульсам вестернизации страны; традиционные синтоизм и буддизм — запрещенному, подпольному христианству; растущий интерес к научному знанию — старым суевериям, в том числе убийственному оккультизму; борьба за власть и самостоятельность — борьбе за милость сегуна» [Winslow] и т. д. В данной статье нас будет интересовать лишь один аспект произведения, а именно: отражение в нем контакта и противостояния двух культур.

Контакт культур — основная тема произведения, она точно обозначена в его заглавии: поэтическое самоназвание Японии как «страны тысячи осеней» соседствует в нем с отчетливо звучащим европейским именем героя. Произведение является единственным на сегодняшний день историческим романом автора, одного из ведущих писателей своего поколения (род. в 1969 г.), который завоевал мировое признание прежде всего романами-антиутопиями, где смело экспериментирует с художественной формой, пространством и временем. На этом фоне роман «Тысяча осеней...» с его линейной композицией выглядит традиционно; автор, однако, экспериментирует с точками зрения (*perspectives*), т. е. создает произведение, в котором две культуры — японская и европейская — представлены как равноправные, одинаково значимые для романного мира. Подобная позиция не слишком характерна для британской литературы с ее сложившейся традицией колониального, а позднее постколониального дискурса. Сам Д. Митчелл утверждает, что старался написать «бикультурный роман (*bicultural novel*), в котором японская точка зрения сосуществовала бы на равных основаниях с голландской и европейской точками зрения» [“The Thousand Autumns...”, p. 2].

Знание Японии для автора во многом является знанием внутренним: после окончания университета он в течение восьми лет жил в Японии в качестве преподавателя английского языка, женился на японке и регулярно посещал страну, даже покинув ее. Роман имеет прочную историческую основу: в интервью автор вспоминает, как во время своей поездки в Нагасаки слу-

чайню попал в музей Дэдзими и был поражен историей места. Поясним: в XVII–XIX вв. в заливе Нагасаки (единственный порт, через который осуществлялись контакты Японии с другими странами) был насыпан искусственный остров в форме веера — Дэдзима, который соединялся с берегом мостом. В период Эдо он стал резиденцией Голландской Ост-Индской торговой компании, своеобразной резервацией, которую голландцы не могли покидать без разрешения местных властей, равно как и местные жители, кроме имевших специальные пропуска чиновников и переводчиков, не имели права посещать остров.

В 1799 г. на Дэдзиму прибывает герой романа писарь Яков де Зут, намереваясь заработать на колониальной службе и вернуться в Голландию через три-четыре года. События, прежде всего исторические (даже до далекой голландской колонии докатились волны наполеоновских войн), разворачиваются таким образом, что Якоб покидает Японию только в 1817 г., сделав оглушительную карьеру и став, используя современный термин, транскультурным¹ субъектом — человеком, который не только изучил культуру и язык Японии, но и во многом ее принял.

Последующие тридцать лет жизни Якоба на родине складываются ровно и успешно, но в романе событиям этого периода посвящено полторы финальных страницы, тогда как его жизни в «стране тысячи осеней» отводится почти шестьсот. Автор, таким образом, фокусирует внимание на времени пребывания героя на Дэдзиме. Роман плотно заполнен персонажами, которые распадаются на две группы: японцы и европейцы. Группа японских персонажей неоднородна и по отношению к основному сюжету произведения, и с точки зрения социальной и религиозной: в

¹ В трактовке М. Эпштейна «“транскultura” предполагает диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них», она «создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции» [Эпштейн]. Кроме того, немаловажным (а в ряде случаев и принципиальным) является и тот факт, что транскulturация — процесс динамический, связанный «с постоянным культурным полилогом, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются» [Тлостанова, с. 6], и где, добавим, каждый получает возможность конструирования собственной личности, в том числе и творческой.

границах японского мира разворачивается несколько самостоятельных сюжетных линий, иногда имеющих лишь отдаленное отношение к европейцам у берегов Нагасаки. Мир Японии конца XVIII — начала XIX в., воссозданный Д. Митчеллом со скрупулезной точностью (автор утверждает, что в течение четырех лет занимался историческими изысканиями, чтобы написать роман), очень необычен с европейской точки зрения, но в нем присутствует своя логика и порядок. И в нем, как и в любом другом уголке Земли, разворачивается вечная борьба добра со злом. Зло, воплощенное в образе могущественного настоятеля Эномото и созданного им военно-религиозного ордена, оказывается в конечном итоге поверженным — не без трагических потерь и не без помощи Якоба.

Японии посвящены в романе поэтичные и одновременно точные описания, такие, например, как в начале главы XXXIX: «Над изящными кровлями и соломенными крышами в сиянии солнечных лучей кружатся чайки ... Чайки летят над прачечными, пускающими пар из окошек; над коршунами, клюющими дохлых кошек; над учеными, прозревающими истину в хрупких узорах закономерностей; над мужьями, уличенными в неверности...» [Митчелл, с. 578–579]². Далее предложение продолжается более чем на страницу, разворачивая панораму Нагасаки. Описание завершается «возле зала Последней хризантемы, где потихоньку высыхает лужа от вчерашнего дождя, и в этой луже градоправитель Сирояма видит, как кружится чайка в сиянии солнечных лучей. “В нашем мире, — думает Сирояма, — есть только один шедевр, и это — он сам”» [с. 579].

При всей самобытности Япония тянется к европейскому знанию и достижениям науки, а образованные японцы хорошо осознают последствия своей изоляции. «Все японцы ... пожизненно в тюрьме. Кто задумал уехать — казнь. ... Моя самая дорогая мечта — один год в Батавии. ... Всего один год» [с. 124], — говорит романтический герой произведения переводчик Огава, который переводит на японский язык не только торговые документы, но и книгу Адама Смита. Неслучайно Огава характеризует мост, связывающий Дэдзиму с берегом, как «самый длинный мост в мире, потому что это есть мост между двух миров» [с. 124].

² Далее роман Д. Митчелла цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

Неоднородна и группа европейских персонажей романа. Эта группа складывается не только из представителей европейских народов — голландцев, англичан, ирландцев, немцев, но и из их азиатских слуг и даже рабов, поскольку они совокупно представляют европейский колониальный миропорядок. Внутри этой группы также разворачивается целый ряд автономных сюжетных историй, таких, например, как история английского капитана Пенхалигона, явно восходящая к классическим английским «морским» романам. Автор описывает истории — предыстории по отношению к романному времени — почти всех европейцев-служащих компании; истории, полные приключений, войн, страданий, крови, жестокости, мужества, алчности и упорства. Истории, характерные для эпохи колониальных захватов, многомесячных морских походов на парусных судах, но, одновременно, и эпохи значительных научных открытий, социальных сдвигов, эпохи Просвещения на ее излете.

Тема рабства, которая неоднократно осмысляется в произведениях Д. Митчелла, звучит пронзительной нотой и в «Тысяче осеней...». Один из рабов размышляет: «Рабу не позволено даже сказать: “Это мои пальцы”... Однажды я подумал такой вопрос: “А мое имя мне принадлежит?”» [с. 414]. Далее следуют вопросы о воспоминаниях и мыслях. Таким образом, европейский мир также представлен в романе крайне неоднородным и полным трагических противоречий.

Самыми очевидными точками напряжения романного текста становятся зоны контакта культур, где особенности и проблемы каждого из миров актуализируются и даже трансформируются. Уникальность описанной ситуации состоит в том, что, с одной стороны, контактирующие стороны не ищут понимания и демонстрируют высокий уровень ксенофобии, с другой стороны — заинтересованы в контактах.

Профессиональные коммуникаторы — японские переводчики — составляют особую группу в системе персонажей произведения. Переводчики в романе — это те люди, которые соединяют миры Европы и Японии, их роль в развитии сюжета очень важна. Переводчики в романе Митчелла — ученые и эрудиты, но, одновременно, и люди, сосредоточившие в своих руках определенную власть над обеими сторонами, и власть эту они употребляют по-разному. Если благородный Огава

сначала «не замечает» христианскую книгу среди вещей Якоба де Зута, а позднее становится его другом, то его коллега Кобаяси использует свое влияние для собственной наживы и, будучи разоблаченным, затевает сложную интригу против Якоба. Кроме того, Митчелл описывает процесс работы переводчиков, и почти неожиданно рутинные обсуждения и профессиональные консультации превращаются в описание разницы культур и возможностей их преодоления: «У каждого переводчика приготовлен список слов, не поддающихся разгадке даже общими силами Гильдии. Слова зачитывают вслух, и Якоб их объясняет, как умеет, помогая себе жестами, приводит примеры и подбирает синонимы. Переводчики обсуждают, какой японский эквивалент годится ... С простыми словами, такими, как “источенный”, “обилие” и “селитра”, справляются быстро. Сложнее с абстрактными понятиями, как “подобие”, “фикция” ... Минут по десять-пятнадцать уходит на слова, для которых не существует аналога в японском языке: “приватный”, “ипохондрия” ... В тех случаях, когда голландский студент сказал бы “Я не понимаю”, переводчики японцы молча опускают глаза...» [с. 158].

Среди европейских персонажей также присутствует герой, который преодолевает границы миров. Доктор Лукас Маринус — единственный из европейцев, кто приехал в Японию, движимый интересом к стране. Он изучает природу страны и обучает японских студентов медицине. Именно ему принадлежит заявление «Душа — не существительное ... Она — глагол» [с. 190] и именно доктор Маринус описан автором как человек и мыслитель, значительно опередивший свое время. Его история такая же драматическая, как история других героев-европейцев, покинувших Европу и оказавшихся в мире приключений, далеко не всегда веселых, но Маринус делает свои выводы, резко отличающие его от других персонажей. Он становится противником рабства, сторонником равенства народов; он врач, просветитель и человек принципов. Книга открывается сценой родов в доме наложницы градоправителя Кавасэми, которые принимает ученица доктора, акушерка Орито Абигабва, а сам доктор, будучи иностранцем, может лишь давать советы из-за ширмы. Тем не менее, с его помощью в мир приходит новый человек. Одна из финальных сцен произведения — похороны Маринуса на кладбище для иностранцев Нагасаки. С доктором прощаются

ся и японцы, и европейцы; среди них — Орито, ставшая знаменитым врачом, и Якоб, управляющий факторией, друг и ученик доктора.

Якоб — тот герой, который в результате многолетнего пребывания на Дэдзиме и контактов с японцами принимает японскую культуру, не отказываясь при этом от своей. Повторимся: он становится транскультурным субъектом, а его сознание — гибридным, т. е. принимающим ценности двух культур. «Тяжело, должно быть ... что вы не знаете, когда снова увидите Европу. — Чтобы смягчить эту боль, я стараюсь думать о Дэдзиме как о доме» [с. 602]. Якоб готов остаться у берегов Нагасаки до конца своих дней, но вновь вступают в действие силы, которые он не может преодолеть, и он возвращается в Голландию. Критик утверждает — и с этим сложно спорить — что «Д. Митчелл написал ... о беззащитности перед лицом обстоятельств, когда не имеет никакого значения, японец ты или иностранец ... потому что каждый из нас — не больше песчинки в масштабе вечности» [Черникова]. Представляется, однако, что Д. Митчелл написал также о многообразии культур и их внутренней неоднородности, о разуме, красоте и честности, которые свойственны представителям разных миров, о том, что контакты культур могут быть плодотворными, если приложить к этому определенные усилия.

Список литературы

Митчелл Д. Тысяча осеней Якоба де Зута / пер. с англ. М. Лахути. М. : Иностранка, 2017. 638 с.

Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX — начале XX века. М. ; Токио : Ин-т востоковедения РАН, 1996. 182 с.

Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. [М.] : Едиториал УРСС, 2004. 414 с.

Черникова Л. «Душа — это глагол... Не существительное...» : рец. на роман Д. Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута». [Электронный ресурс]. URL: <http://write-read.ru/reviews/618b> (дата обращения: 26.11.2018).

Эпштейн М. Транскультура // Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна ; предисл. М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003. [Электронный

ресурс]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_transculture.html (дата обращения: 27.03.2018).

“The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell : Reader’s Guide. 2 p. [Electronic resource]. URL: https://themanbookerprize.com/sites/manbosamjo/files/files/MBP10_mitchell-0.pdf (accessed: 26.11.2018).

Winslow A. “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell // Chicago Tribune. 2010. October, 5. [Electronic resource]. URL: <http://www.chicagotribune.com/lifestyles/books/chi-boooks-review-thousand-autumn...> (accessed: 26.11.2018).

Wood J. The Floating Library. What can’t the novelist David Mitchell do // The New Yorker. 2010. July 5. [Electronic resource]. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/07/05/the-floating-library> (accessed: 26.11.2018).